

Охотничьи рассказы автора «Царь-рыбы»,

в которых знаменитый писатель выступает страстным адвокатом гибнущей сибирской тайги

Астафьев, хотя он человек и не «светских гостиных», не поэт больших и шумных городов, тем не менее Москвы иногда стороной не объезжает. На сей раз «выписала» его в столицу «Комсомолка», проводившая недавно свои дни «Римского движения» в гостинице «Октябрьская». Зазвали мы, несколько человек журналистов, Виктора Петровича в гостиничное кафе — на пиво. Мягкие кресла, неяркий свет, никто над ухом не галдит... «Эх, ре-

бята, — сказал тогда нам писатель, — а вот я, бывает, сижу в охотничьей избушке в тайге при керосиновой лампе, мужики за ночь такого порасскажут — двух жизней переложить на литературу не хватит. Какая там литература! Только доверившись природе, можно приблизиться к истине».

Начал Виктор Петрович свои «охотничьи рассказы», а я включил диктофон.

Юрий МАКАРЦЕВ.

Фото Анатолия ЕНИСЕЙСКОГО.

Виктор АСТАФЬЕВ:

БОГАТСТВО РАЗВРАЩАЕТ, НО РАЗВРАЩЕНИЕ БЕДНОСТЬЮ ЕЩЕ СТРАШНЕЕ

В СЕ, что происходит со страной, ребята, то и со мной происходит. Душой болею, иногда ненавижу — прямо матерюсь. Революция сама по себе могла бы стать благом для нации, а получилась — не вовремя. Нам скорее хотелось светлого будущего, торопились самого Карла Маркса обогнать. Других научим! И вот судорги: мы откатились назад в тринадцатый, даже нет — в девятый век. Я побывал не так давно в одном селении, где народ восстал против геологоразведочной буровой и требовал ее убрать куда подальше. Выпили местные граждане, началось среди них «революционное брожение»... Мне показывали буровую — там совершеннейшая технология. «Убрать!» — это не есть девятый век.

Что спасет Россию? Бог, «четверговые яйца», чудо? Я лично не от людей, а от природы ответов жду. Там все умно и рационально. Мудрое животное станет рожать, когда убедится: будет урожай голубики, ореха, грибов... Вы можете представить, даже волчица регулирует рождаемость своего потомства, она прекрасно знает, как идут дела в крестьянском хозяйстве: хорошо или недород. Иногда волчица ошибается: запланировала семь волчат, родила — восемь. И последнего, самого слабого, она отталкивает, не кормит. Звереныш все равно подбегает к титке, он заискивает перед матерью, тыкается в нее мордочкой, и однажды волчица сменяет гнев на милость.

Мы все об экономике твердим, ее чтим за спасительницу, забывая, что мы дети природы, она нас родила и не бросит нас, если, конечно, мы сами не плюнем ей в лицо. На прекрасной сибирской реке с белыми песками по берегам у меня появился друг — егерь Вася Сидоркин. От него знаю, что ринулись

в тайгу браконьеры, люди дают крупные взятки, для того чтобы занять охотничий участок, за «ореховую лицензию» тоже взятки суют. И айда — в лес! Ставят от 3 до 5 ловушек на лосей, до тысячи капканов на соболя, выбивают оленя. И гребут деньги, если учесть, что шкурка соболя на «черном рынке» стала стоить до 1.000 рублей. Конец этому зверьку.

— Я сегодня, Виктор Петрович, — говорил мне егерь Вася, — триста пятьдесят капканов спустил. Соболюшки попали... Одна самка в капкане — у нее помет из семи-восьми соболят погибнет. Охотники!..

Волосы дыбом! Природа очень ранима: из 100 синичек в год погибает 7—8 птичек, потому что эта птица не научилась поворачиваться к ветру головой и быстро заболевает воспалением легких. А тут еще хищным зверем на природу обрушивается человек. Люди платят по 150—200 рублей, грузят свои вездеходы, мотоциклы, «уазики», «газики» на баржу — и вот вся эта армада несется в лес. Я как-то пролетал над тайгой на вертолете, вниз больно было глядеть: вся эта моторизованная братия расплозается по тайге, как тараканы. Обогащаться! Ведро брусники стало стоить 150—200 рублей, семья из трех человек собирает в день 10 ведер, заработок — до трех тысяч рублей. Я, конечно, не против заработка, но ведь люди орудуют совками, и убывает живородящая природа... Зверька под корень, ягоду с корнем...

— Куда деваете деньги? — спрашиваю.

— Куда... Мотор «Вихрь» больше двух тысяч стоит, бочка бензина — 1.000 рублей, гайка какая-нибудь нужна — две сотни, а то и больше гони.

— Вася, — говорил я Сидоркину, — уходи из егерей:

у моего друга уже прокол ножом возле сердца — подарок от браконьеров. Так жестока братва, добравшаяся в тайге до дармовщинки.

— Не уйду, — решил Василий. — Пусть меня хоть убьют.

Нужно еще лет 100—150, чтобы синичка научилась защищаться от ветра. Глупые домашние животные тоже никак не приспособятся к цивилизации: мертвые кошки, собаки на дорогах России — ничего подобного в Европе не увидишь. А вот человек обьегорит кого хочешь: государство, природу, ближнего своего. Мой знакомый организовал кооператив по сбору леса, которого по берегам сибирских рек лежит немало. В Карских Воротах ледоколы пробивают не лед, а бревна, чтобы провести корабли. Так вот кооперативщики только два лета честно собирали древесину, а потом жульничать начали: стали брать бревна в лесхозе, а потом ему же их сдавать. Развращение богатством плохо, но развращение бедностью, как видите, еще страшнее.

Последние двадцать пять лет я не был ни в одном доме творчества: ни в Армении, ни в Грузии. Уходил в тайгу и возвращался к письменному столу заряженный: хотелось работать. Нынче вернулся из тайги совершенно подавленный...

Надо все равно работать. И во что-то верить, потому что с утратой веры может кончиться все. Надо верить в жену, детей, в будущее. Верить, что тебя похоронят, как следует, что природа примет тебя, как следует. Верить, что тебя дети не предадут, а сам ты своих родителей не предашь. Верить во все, начиная с элементарного: что у тебя кусок хлеба изо рта не вытащат. И если с этого начать, то я верю, ребята: живы будем — не помрем.

МОСКВА.